
НИКА ЛУКИНА
ЛИШНЯЯ
Построю свое
СЧАСТЬЕ

Ника Лукина
Лишняя. Построю своё счастье

https://litres.ru/74713569

Аннотация

ОДНОТОМНИК

— Лена, отойди. Здесь только семья.

Я стою с тортом в руках и смотрю, как мой муж обнимает другую. Ладонь — на её округлившемся животе.

Семнадцать лет брака. Дочь. Дом, в котором всё сделано моими руками. И мне нет места даже на семейной фотографии.

Свекровь требует не портить праздник. Родная мать советует потерпеть. А старший брат мужа предлагает деньги за тихий уход.

Они уже решили, сколько я стою. Осталось заставить меня согласиться.

Я подам на развод. Заберу то, что принадлежит мне. И открою свою пекарню. Пусть теперь сами накрывают семейные столы.

Вот только добиваться меня начнёт Глеб. Брат бывшего мужа. Тот самый мужчина, который в день моего унижения встал на их сторону.

— Я ошибся, Лена.

— А мне теперь забыть, что ты говорил?

— Нет. Мне — доказать, что ты можешь мне верить.

Он помогает. Защищает. Целует так, что я сама тянусь за следующим поцелуем.

Но когда его семья потребует выбрать между мной и ими — он снова предложит мне уйти?

Содержание

Глава 1. Только семья 5
Глава 2. Тебя не обидят 14
Глава 3. У мамы 24
Глава 4. То, что ещё моё 34
Глава 5. Подпиши — и успокоимся 44
Глава 6. До рассвета 54
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Глава 1. Только семья

Перавя книга цикла —Развод. Построю своё счастье

https://litnet.com/shrt/Sc-Q

Каждая книга - отдельная история

— Лена, отойди. Здесь только семья.

Я останавливаюсь с тортом в руках.

Раиса Павловна сидит в кресле у окна. Денис стоит справа от неё, Глеб — слева. Наверное, свекровь хочет сначала сфотографироваться с сыновьями. Я ещё утром спросила, в какой момент выносить торт, и она велела дождаться фотографа. А теперь сердится, что я мешаю.

— Куда поставить? — спрашиваю я.

— Пока на буфет. Только салфетку подложи, там полировка.

Перехватываю тяжёлую подставку. За ночь медовые коржи хорошо пропитались, и я боялась, что при переноске верхний съедет. Зря боялась. Всё ровно: тонкие слои крема, ягоды по краю, шоколадная надпись *«С днём рождения, мама»*.

Слово *«мама»*я переделывала два раза. Раиса Павловна не любит, когда буквы получаются слишком крупными.

— Дашенька, иди к нам, — зовёт она.

Дочь поднимается с дивана, убирая телефон в карман платья. Подходит и осторожно трогает мой рукав.

— Мам, у тебя тут крем.

Берёт со стола салфетку, стирает белый след и встаёт за креслом бабушки.

Я ставлю торт на салфетку, расправляю платье. Значит, всё-таки общая фотография. Хорошо, что успела переодеться: последние гости пришли, когда я ещё доставала из духовки мясо.

— Кира, не стой у двери. Подойди к Денису.

Девушка, которую муж привёз час назад, отделяется от гостей. У неё в руках маленькая бежевая сумочка. Она держит её перед собой обеими руками, будто не знает, куда деть.

— Вот сюда. — Раиса Павловна показывает место рядом с моим мужем. — Денис, дай Кире место.

Киру я видела дважды. Один раз в офисе, второй — у нас дома: привозила документы. Денис сказал, что она работает у него недавно, занимается поставщиками. Сегодня представил гостям просто по имени. Я не стала расспрашивать. У него и раньше на семейных праздниках бывали сотрудники.

Правда, Раиса Павловна никогда не встречала их поцелуем.

Я подхожу к Денису с другой стороны. Между ним и большим напольным горшком ещё можно встать, если чуть подвинуть листья.

— Леночка, я же попросила, — говорит свекровь.

Останавливаюсь.

— Что?

Она смотрит на меня поверх очков.

— Не сейчас.

Фотограф опускает камеру. Молодой парень в чёрной футболке переводит взгляд с меня на Раису Павловну.

— Места достаточно. Можно чуть плотнее встать, я возьму другой угол.

— Спасибо, мы сами разберёмся.

Свекровь произносит это с той улыбкой, после которой люди обычно перестают предлагать помощь.

Я смотрю на Дениса. Он поправляет манжету, теребит запонку. Я уже тянусь помочь, но опускаю руку. Утром сама застёгивала ему эти запонки: он торопился за цветами и никак не мог продеть их в петли.

— Денис, подвинься немного.

Он наконец поднимает глаза.

— Лен, давай сначала так снимемся.

— То есть без меня?

— Ну что ты начинаешь?

В комнате становится тихо. Раисина сестра обрывает рассказ на полуслове. Мужчина у стола опускает бокал.

Даша обходит кресло.

— Пап, а мама где будет?

— Дашенька, не мешай, — отвечает за него бабушка. — Сейчас взрослые решат.

— Что решат?

Дочь уже не прячет раздражения. В шестнадцать лет ей трудно понять, почему простое дело вдруг становится таким сложным. Мне в тридцать девять тоже.

Я пытаюсь улыбнуться фотографу.

— Подождите, пожалуйста, минуту.

— Да, конечно.

Он отходит к столу и начинает что-то проверять в камере. Слишком внимательно. Остальные тоже находят себе занятия. Женщина у окна поворачивается к саду, Раисина сестра складывает и разворачивает салфетку.

Только Кира не отходит от Дениса.

— А почему она здесь? — спрашиваю я.

Произношу и сразу слышу, как невежливо это звучит. Хочется добавить: *«Я ничего против вас не имею»*. Даже сейчас хочется сгладить неловкость, чтобы потом свекровь не выговаривала мне за дурные манеры.

Кира поднимает подбородок.

— Я могу выйти, если это такая проблема.

Но с места не двигается.

— Никуда ты не пойдёшь, — говорит Раиса Павловна. — Лена, прекрати ставить человека в неловкое положение.

— Я спросила Дениса.

Он выдыхает сквозь нос. Так же выдыхает, когда я напоминаю о давно обещанной поездке или прошу вечером заехать в магазин. Обычно после этого я говорю: *«Ладно, са-*

ма».

— Давай поговорим в другом месте.

Денис подходит ко мне и берёт за локоть.

Я послушно делаю несколько шагов к двери. Его пальцы тёплые. Он впервые за вечер прикоснулся ко мне, и я по привычке тянусь ближе.

Сегодня он держит слишком крепко.

У дверей столовой я останавливаюсь.

— Что происходит?

— Тише.

— Я тихо спрашиваю.

Он оглядывается через плечо. Там Кира наклоняется к Раисе Павловне, и свекровь накрывает ладонью её руку. Обе смотрят на Дениса.

— Пойдём наверх, — говорит он.

Наверху наша спальня. Утром я оставила на кровати его домашнюю футболку, чтобы переоделся после гостей. Моя расчёска лежит возле зеркала.

Всё это сейчас наверху. Наши вещи. Наша обычная жизнь.

— Зачем?

— Чтобы нормально поговорить.

Денис смотрит мне в лицо. Я вдруг замечаю, какой у него усталый вид. Под глазами тени, на щеке царапина от бритвы. Вчера он вернулся поздно, отказался ужинать и почти сразу лёг. Я ещё прикрыла окно, чтобы его не продуло.

— Лена, пожалуйста. Не здесь.

Я слышала этот тон много раз. Когда нужно было отменить мои планы ради его встречи. Когда свекровь опять обиделась, а извиниться почему-то должна была я. Сначала просьба, потом раздражение, если соглашаюсь недостаточно быстро.

Поворачиваюсь к Кире.

— Вы давно работаете у моего мужа?

Денис сжимает мой локоть.

— Лена.

— Я хочу спросить.

— Полтора года, — отвечает она.

Полтора года. Я думала, меньше. Почему-то помню коробку конфет, которую она привезла вместе с документами. Красную, с золотой лентой. Раиса Павловна тогда сказала, что девушка очень воспитанная, и велела мне поставить чайник.

— И часто вы бываете у нас дома?

Кира бросает на Дениса нетерпеливый взгляд.

Он молчит.

— Я не понимаю, зачем этот допрос, — говорит она.

— Я тоже не понимаю, — отзываюсь я. — Здесь мой муж, моя дочь. Почему вы с ними фотографируетесь, а я должна отойти?

Раиса Павловна встаёт из кресла.

— Можно хотя бы сегодня без скандала? У меня день рождения.

У меня горят щёки. Я вижу, как её сестра смотрит в пол, а мужчина возле двери вдруг берёт со стола пустую тарелку. Хочется забрать у него эту тарелку и отнести на кухню. Сделать хоть что-нибудь, чтобы на меня перестали смотреть.

Даша подходит ко мне.

— Мам?

Я кладу ладонь ей на спину. Чувствую под тонкой тканью выступающие лопатки. Она вытянулась за лето, и платье, купленное весной, уже коротко. Мы собирались в воскресенье выбрать другое. Я обещала, что в этот раз без бабушки, которая заставляет мерить всё с воротничками.

— Всё хорошо, — говорю я и понимаю, что голос меня не слушается.

— Ничего не хорошо, — отвечает дочь.

Денис отпускает мой локоть и тянется к её плечу.

— Даш, сходи к себе.

— Почему?

— Потому что я прошу.

Дочь смотрит на него, потом на меня. Я не могу заставить её уйти. Не могу и оставить посреди этого разговора. Только сильнее прижимаю ладонь к её спине.

— Денис, кто она?

Муж собирается ответить, но Кира окликает его:

— Денис. Сколько можно?

Он поворачивается.

Кира кладёт сумочку в кресло и снимает жакет. Без него

светлое платье уже не скрывает живот. Я смотрю на мягкую округлость под тканью и вспоминаю, как час назад предложила ей вина.

Она отказалась. Я принесла сок.

Свекровь тогда сказала: *«Умница»*.

— Ты ведь обещал, — говорит Кира.

Её голос дрожит. Она оставляет жакет на спинке кресла и подходит к нам. Берёт Дениса за руку, кладёт его ладонь себе на живот.

Я жду, что он уберёт руку.

Денис оставляет её там.

Даша вцепляется в моё запястье. Мне больно, но я не прошу отпустить. Смотрю на пальцы мужа, на обручальное кольцо, которое сама надела ему семнадцать лет назад.

Глеб выходит из-за кресла и останавливается возле нас. Я поднимаю на него глаза. Он старший, Денис всегда к нему прислушивается. Сейчас скажет брату что-нибудь. Хотя бы спросит, что тот творит.

— Денис, поговори с Леной, — произносит Глеб.

Я смотрю на его спокойное лицо и не сразу понимаю, что он тоже не удивлён.

Свекровь поправляет на спинке кресла Кирин жакет. Делает это бережно, чтобы не смялся воротник.

Мне вдруг очень хочется сесть. Не на диван к гостям, не за стол. Прямо здесь, на пол. Даша по-прежнему держит меня за руку, и я остаюсь стоять.

— Это твой ребёнок?

Денис убирает ладонь с живота Киры.

Слишком поздно. Я успела увидеть, как он погладил её живот большим пальцем. Как будто они одни и именно я тут лишняя.

— Лена, давай выйдем.

— Сначала ответь.

Он смотрит на мать. Та поджимает губы и отворачивается к окну. Теперь она не собирается помогать ему объясняться.

Я жду. Денис открывает рот, закрывает. За моей спиной кто-то осторожно ставит на стол бокал.

— Ребёнок мой, Лена. Я собирался сказать тебе после праздника.

Глава 2. Тебя не обидят

Даша отпускает моё запястье.

— Папа, — говорит она, не сводя с него глаз.

Денис смотрит на дочь, потом поворачивается к Кире. Берёт её под локоть, как несколько минут назад меня.

— Присядь. Тебе нельзя волноваться.

Я слышу каждое слово. Вижу, как Кира опускается на диван, как муж поправляет подушку у неё за спиной. Ему есть чем заняться, пока я стою у двери и пытаюсь вдохнуть поглубже.

— Как давно?

Он выпрямляется.

— Лен, сейчас не время.

— Сколько вы вместе?

Кира разглаживает платье на коленях. Денис смотрит на неё, потом на дочь.

— Даша не должна это слушать.

— А видеть должна была?

Я не узнаю свой голос. Хочется откашляться, но боюсь, что вместо кашля вырвется всхлип.

— Мы не собирались ничего объявлять сегодня, — говорит Кира.

— Тогда зачем ты приехала?

Она кладёт руку на живот. Денис сразу становится между

нами.

— Не надо на неё нападать.

Я не сделала ни шага к дивану. Даже голоса не повысила.

Раиса Павловна хлопает в ладоши.

— Давайте на террасу. Там дышать легче. Десерт чуть позже подадим.

Её сестра поднимается первой. Кто-то спрашивает, не помочь ли убрать со стола, но свекровь отвечает, что всё сделают. Не называет, кто именно.

Гости обходят нас, старательно не задевая. Фотограф поднимает с пола сумку и тихо спрашивает Глеба, ждать ли ещё. Тот отводит его в сторону. Слышно, как щёлкает застёжка на чехле.

— Лена, послушай, — начинает Денис.

— Ты спал с ней, а потом приходил ко мне?

Даша вздрагивает. Только сейчас понимаю, что спросила при ней, и прикусываю губу.

Денис хмурится.

— Вот поэтому я и просил поговорить отдельно. У мамы день рождения. Кира беременна. Можно хотя бы сейчас подумать не только о себе?

Я жду, что он поправится. Скажет, что не это имел в виду.

Он протягивает руку к моему плечу. Я отступаю и натыкаюсь на дверной косяк.

— Не трогай меня.

— Лена…

— Пойдём, Даш.

Беру дочь за руку и вывожу из столовой. До кухни несколько шагов по коридору, но мне кажется, что я иду очень медленно. Спина мокрая под платьем. Я слышу, как Денис зовёт меня, и не оборачиваюсь.

На кухне пахнет мясом, ванилью и средством для посуды. В раковине замочена форма, на решётке сохнет венчик. Я закрываю дверь и хватаюсь за край стола.

Даша стоит напротив.

— Вы разведётесь?

Рот открывается, а слова не выходят. Дочь смотрит прямо на меня, не мигает.

— Я пока не знаю.

— Папа от нас уйдёт?

От нас. Она всё ещё говорит *«от нас»*, хотя из семейной фотографии попросили выйти только меня.

— Дашенька, я не могу сейчас ответить.

Она отворачивается и сутулится.

Наливаю воды в стакан, пытаюсь отпить, но зубы стучат о край. Ставлю его на стол и обнимаю дочь. Даша сначала стоит неподвижно, потом прижимается лбом к моему плечу.

— Прости, что я спросила при тебе. Про папу и… — Я не заканчиваю. — Не надо тебе это слушать.

— Я уже слышала.

— Знаю.

Мы стоим так, пока в коридоре не раздаются шаги. Даша

отстраняется, торопливо вытирает щёки ладонями.

— Я к себе пойду. Не хочу, чтобы бабушка видела.

Киваю.

— Я потом к тебе поднимусь.

— Ты никуда не уедешь?

— Не уеду, не сказав тебе. Обещаю.

Она забирает со стола салфетку, открывает дверь. Через несколько секунд слышу быстрые шаги на лестнице, потом хлопает дверь её комнаты.

Хочется пойти за ней, лечь рядом и уткнуться в подушку. Но я вижу своё отражение в тёмном стекле духовки. Я сейчас расплачусь так, что напугаю её ещё сильнее.

Открываю холодную воду. Смачиваю ладони, прижимаю к щекам. Косметика остаётся на пальцах. Утром я так старалась накраситься аккуратно. Денис даже не заметил.

Дверь открывается без стука.

— Ну что, успокоилась? — спрашивает Раиса Павловна.

Выпрямляюсь. Вода течёт с подбородка на платье.

— Вытрись, — велит она. — Не маленькая.

Беру бумажное полотенце. Свекровь открывает шкафчик над моей головой, достаёт заварочный чайник с синими цветами.

— Поставь чай. И чашки возьми из сервиза, не повседневные. Люди уже ждут.

Я смотрю на чайник, который она ставит передо мной.

— Вы серьёзно?

— А что такого? Гости при чём? Мы с утра готовились. У тебя всё есть, осталось только вынести.

Мы.

Она утром сидела в парикмахерской. Я готовила праздничный обед, гладила скатерть, расставляла цветы. Для роз, которые принесла Кира, свекровь сама достала хрустальную вазу.

Я беру поднос с полки. Ставлю на него две чашки, потом ещё две. Пальцы помнят, как расставить их, чтобы поместились блюдца и сахарница.

Раиса Павловна придвигает ко мне коробку чая.

— Крепко не заваривай. И не надо больше этих разговоров при посторонних. Денис тебя не выгоняет, нечего было устраивать представление.

Я замираю с пятой чашкой в руке.

— Я устроила?

— Лена, он мужчина. Такое бывает. У вас давно всё шло к этому.

— Откуда вы знаете, что у нас было?

— В одном доме живём, я не слепая.

Свекровь поправляет на запястье браслет. Я сама выбирала ей этот подарок. Денис только сказал: *«Тебе виднее, что мама любит»*.

— Вы знали про Киру?

— Я не обязана отчитываться перед тобой о разговорах с сыном.

— А фотография? Вы специально?

Раиса Павловна смотрит на меня уже без улыбки.

— Нельзя вечно делать вид, что ничего не происходит. Она моего внука носит. А ты всё никак не хочешь понять.

Ставлю чашку на стол рядом с подносом.

— Я узнала десять минут назад.

— Значит, поговорите. После гостей. И сходи умойся ещё раз, у тебя тушь под глазами.

Она протягивает мне сахарницу.

Я не беру.

— Лена.

— Я не буду подавать чай.

Раиса Павловна остаётся стоять с сахарницей в руке. Дребезжит крышка с фарфоровой розой.

— Что значит *«не буду»*?

— То и значит.

Слова получаются тихими. Я отодвигаю поднос и иду к двери.

— На меня не надо срываться, — говорит она мне вслед. — Я вашу семью не разрушала.

Я берусь за ручку. Хочется спросить, как давно Кира пьёт из этих чашек. Сколько раз свекровь подавала ей чай, пока я возила Дашу на занятия или ездила за продуктами. Но я не выдержу ещё одного ответа.

Выхожу в коридор.

Наверху тихо. Я делаю шаг к лестнице, и Глеб окликает

меня от входа:

— Лена, подожди.

Фотограф стоит рядом с ним, уже в куртке. Кивает мне и выходит. Входная дверь закрывается.

— Ты можешь с ним поговорить? — спрашиваю я.

Глеб смотрит в сторону столовой.

— С Денисом?

Киваю. Не знаю, о чём именно прошу. Чтобы он заставил брата раскаяться? Убрать руку с чужого живота? Отменить то, что я только что услышала?

— Ты же видел, как он со мной… При Даше.

Не получается договорить.

— Сядь.

Глеб показывает на скамью у вешалки. Я опускаюсь на край, сжимаю ладони между коленями. Он стоит передо мной. Спокойный, собранный. Даже голос не повысил ни разу.

— Денис сказал, что вы собираетесь расходиться.

Я качаю головой.

— Я ничего не знала. И никуда не собиралась уходить.

Глеб проводит ладонью по подбородку.

— Он должен был сначала поговорить с тобой. Здесь я согласен.

Здесь.

— А в остальном?

— Лена, у них будет ребёнок.

Он оправдывает Дениса. У Киры будет ребёнок — значит, наши семнадцать лет уже не в счёт.

— У нас тоже есть ребёнок.

— Даша всегда останется его дочерью. Денис от неё не отказывается.

Я смотрю на него и жду, что он скажет что-нибудь обо мне.

Глеб снимает с вешалки свой пиджак, достаёт из внутреннего кармана плотный конверт.

— На квартиру и первые расходы. Чтобы не хвататься за первый попавшийся вариант.

— На какую квартиру?

— Которую снимешь. Сейчас вам лучше пожить отдельно.

Он протягивает конверт. Я не двигаюсь.

— Ты предлагаешь мне уйти?

— Я предлагаю тебе помощь.

— Это твои деньги?

— Дениса. Он просил передать.

За стеной что-то звякает. Раиса Павловна всё-таки расставляет чашки сама. Я смотрю на конверт, потом на Глеба.

— И вы уже решили, где я буду жить?

— Никто за тебя не решает. Выберешь квартиру, спокойно всё обсудите. Только не надо войны, Лена.

— Я не просила у вас денег.

— Тебя семнадцать лет обеспечивали. И сейчас не собираются оставлять без помощи. Подумай, прежде чем отказы-

ваться из гордости.

Щёки вспыхивают. Я разжимаю руки, которые держала между коленями.

Я вспоминаю, как Денис уговаривал меня не возвращаться в цех после рождения Даши. Как сказал, что мы можем себе позволить жить на его зарплату. Что дочери нужна мама, а не няня. Я тогда радовалась: думала, он бережёт меня.

— Я не из гордости, — произношу едва слышно.

— Тогда возьми. Ты сейчас на нервах, это понятно. Завтра посмотришь на всё спокойнее.

Он кладёт конверт рядом со мной на скамью.

— Глеб. Ты про Киру знал?

Он задерживает на мне взгляд.

— Да.

Я опускаю голову. Не хочу, чтобы он видел, как у меня дрожат губы.

— Здесь ещё предложение от Дениса, — добавляет он, касаясь конверта. — Прочитай. Обсудите, когда успокоишься. Тебя не обидят.

Конверт не заклеен. На нём выведено моё имя: *«Елене Зориной»*.

Беру конверт, подцепляю клапан. Хочу увидеть, что ещё они успели решить.

Внутри деньги и сложенный пополам лист. Достаю бумагу. Вверху моё имя напечатано ещё раз, ниже идут пункты: отдельное проживание, помощь с переездом, расходы на Да-

шу.

Я не могу дочитать. Смотрю на дату под заголовком.

Второе сентября.

Вчера.

Пока я до ночи пекла торт на день рождения его матери, Денис уже готовил деньги на то, чтобы я ушла из этого дома.

Глава 3. У мамы

Складываю лист по прежнему сгибу. Пытаюсь вложить его в конверт, но угол цепляется за купюры.

Глеб протягивает руку, но я отодвигаюсь.

— Не надо. Я сама.

Убираю бумагу и отдаю ему конверт.

— Верни Денису.

— Лена, ты хотя бы прочитай до конца.

— Не сегодня.

Я встаю. Глеб ещё несколько секунд держит конверт передо мной, потом опускает руку.

Поднимаюсь по лестнице, держась за перила. Из столовой доносится звон посуды. Там опять разговаривают.

У Дашиной двери останавливаюсь и стучу.

— Можно?

Она сидит на кровати, обхватив колени. Платье ещё на ней, туфли валяются возле стола.

Я присаживаюсь рядом.

— Даш, я сегодня переночую у бабушки Люды.

Она сразу убирает ноги с кровати.

— Ты же обещала не уезжать.

— Не сказав тебе, — тихо поправляю я. — Помнишь? Я никуда не пропаду.

Даша смотрит на дверь. Наверное, ждёт, что за мной вой-

дёт отец и всё отменит.

— А почему ты должна уезжать? Пусть она уходит.

— Я не могу сейчас оставаться с папой в одной комнате.

— У нас есть другие.

Мне нечего ответить. Опускаю глаза на её босые ступни.

— Давай поедем вместе, — говорю я. — Возьми вещи на завтра, я утром отвезу тебя в школу на такси.

— Я не хочу к бабушке Люде.

Дочь произносит это громко и сразу смотрит на меня, будто ждёт упрёка.

— Хорошо.

— Там спать негде. И ехать далеко. У меня завтра с утра английский, а я вообще ничего не сделала.

Она тянется к рюкзаку, открывает молнию, вытаскивает тетрадь. Листает слишком быстро, не останавливаясь ни на одной странице.

Мне хочется отложить тетрадь и обнять Дашу. Как она завтра пойдёт в школу? Как я её здесь оставлю?

Но Даша упрямо расправляет загнутый уголок обложки.

— Я утром приеду, — говорю я. — Пока ты ещё дома. Телефон будет рядом, звони в любое время.

— А потом?

— Потом решим, как быть дальше. Сегодня я не знаю.

Дочь кивает, не поднимая головы.

Я целую её в волосы. Она не отстраняется, но и не прижимается ко мне, как в кухне.

В нашей спальне открыто окно. На кровати лежит Денисова футболка, которую я приготовила утром.

Достаю из шкафа тканевую сумку. Кладу бельё, футболку, мягкие брюки. В ванной забираю зубную щётку. Беру телефон и зарядку. Паспорт, ключи и кошелёк в повседневной сумке на полке у зеркала; забираю её тоже.

Задерживаюсь у шкафа. Здесь столько моих вещей, что я не понимаю, как их можно собрать. Пальто, коробки с обувью, зимний шарф, который Даша выбирала мне сама.

Оставляю дверцу открытой. Я ведь только переночевать.

Вызываю такси. За руль сесть не решаюсь: руки всё ещё дрожат.

Денис выходит в коридор, когда я спускаюсь. Смотрит сначала на сумки.

— Ты куда собралась?

— К маме. До завтра.

— Зачем? Мы ещё ничего толком не обсудили.

— На бумаге ты всё обсудил.

Он бросает взгляд на Глеба, который стоит у вешалки.

— Это предложение, Лена. Ты можешь спокойно его обдумать.

Ставлю сумки на пол.

— Даша остаётся здесь, — говорю я. — Не трогай её сегодня с разговорами. Ей и так досталось.

— Я сам знаю, как с дочерью разговаривать.

Приходит уведомление: машина подъехала. Поднимаю

сумки. Денис отходит от двери, давая мне пройти.

Я до последнего жду, что он скажет ещё что-нибудь.

На улице прохладно. Водитель открывает багажник, но я качаю головой и сажусь с сумками назад. Называю мамин адрес, хотя он уже есть в заказе.

Пока машина разворачивается, смотрю на окно Дашиной комнаты.

Шторы задёрнуты.

Через полчаса я стою у маминой двери. По дороге написала, что приеду, и она ответила одним словом: *«Жду»*.

Мама открывает почти сразу. На ней домашний халат, волосы заколоты на затылке. За её плечом светится кухня, пахнет куриным супом.

— Господи, Лена. Ты на себя посмотри.

Она трогает мою щёку. Я закрываю глаза и прижимаюсь к её ладони. Сейчас она обнимет меня. Скажет, что я дома.

— Проходи, разувайся. Сумки в комнату поставь.

Мама забирает сумку с одеждой. Я иду следом по узкому коридору, цепляюсь рукавом за крючок вешалки.

— Денис привёл на праздник другую женщину, — говорю я.

Мама ставит сумку у дивана и поворачивается ко мне.

— Раиса поставила её рядом с ним. А мне сказала отойти. Представляешь? При всех.

Голос срывается на последнем слове. Мама обнимает меня за плечи и ведёт на кухню.

— Сядь. Ты ела сегодня?

Я качаю головой. Пробовала соус, когда готовила мясо. До обеда так и не добралась.

Мама ставит передо мной тарелку, кладёт ложку.

— Поешь сначала. Потом будем думать.

Суп горячий, приходится дуть. Съедаю две ложки. Мама садится напротив и складывает руки на столе.

— Зря ты ушла.

Ложка останавливается возле рта.

— Мам…

— Подожди, дай сказать. Обидно, я понимаю. Но обиделась — и сразу за дверь? Жить ты где собираешься? Работы у тебя нет.

— Я к тебе на одну ночь.

— Да живи сколько надо. Я о другом. Ты ему сейчас всё облегчила.

Опускаю ложку в тарелку.

— А что я должна была делать?

— Разговаривать с мужем. Без зрителей. Умная женщина такое решает дома.

— Я и была дома.

Мама поджимает губы.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я. У вас дочь взрослая. Семнадцать лет прожили. И теперь всё перечеркнуть?

— Это он привёл её к нам.

— Ну, родит она. И что? Мало ли кто от кого рожает. От

тебя зависит, останется ли он в семье.

Я поднимаю голову.

— Я не говорила тебе про ребёнка.

Мама берёт мою тарелку, хотя в ней ещё больше половины.

— Раиса звонила. Сказала, вы поругались. Даша где?

— Дома. Я предлагала поехать со мной.

— Вот. Даже девочка понимает, что дёргаться ни к чему.

— Она ничего такого не говорила.

Мама уносит тарелку к раковине. Я смотрю на её спину и пытаюсь вспомнить, держала ли Раиса телефон, когда я уходила. Не помню.

— Если бы я на каждую обиду уходила, ты бы без отца выросла, — говорит мама. — Это только со стороны кажется, что у других всё гладко.

Я сжимаю край стола.

— Мне сейчас плохо.

— Я вижу. Потому и говорю: не руби сгоряча. Чем ты жить будешь? У меня пенсия, сама знаешь какая.

Отодвигаю стул. Мама поворачивается.

— Куда ты? Лена, ну что опять не так?

— Я Даше напишу, что доехала.

В комнате сажусь на край дивана. Пишу дочери: *«Я у бабушки Люды. Как ты?»*Сообщение уходит, но ответа нет.

Нахожу Дениса в списке звонков. Последний разговор — сегодня утром. Он спрашивал, нужно ли купить хлеб. Я ска-

зала, что уже купила, только пусть возьмёт цветы покрасивее.

Палец зависает над его именем.

Наверняка снова услышу: *«Не начинай»*. И всё равно нажимаю вызов. Мне нужно поговорить с ним наедине. Может быть, хотя бы сейчас он поймёт.

— Да, Лен.

Обычный голос. От него сразу щиплет в носу.

— Ты можешь выйти куда-нибудь? На минуту.

Слышатся шаги, скрип двери.

— Говори.

Я зажимаю между коленями свободную ладонь.

— Семнадцать лет, Денис. Неужели нельзя было хотя бы мне первой сказать?

— Я хотел. Ты же слышала.

— После того как твоя мама поставила её на моё место?

Он шумно выдыхает.

— Я не могу отвечать за каждое мамино слово. У неё тоже нервы.

В кухне звенит посуда. Моя мама включает воду, и я говорю тише:

— А за свои можешь? Ты хоть понимаешь, что сделал со мной сегодня?

— Лена, получилось некрасиво. Я согласен. Но давай без этих… Подожди.

Голос становится глуше: *«Сейчас узнаю»*.

— Где мамины таблетки? Она найти не может.

Я отвечаю сразу, прежде чем успеваю подумать:

— В верхнем ящике её комода. Белый контейнер.

Снова слышны шаги, что-то скрипит.

— Там какие-то старые коробки.

— За ними. Я всё подписала.

— А, нашёл. Спасибо.

Я жду. Мне кажется, если сейчас промолчу, он вернётся к нашему разговору. Сам скажет что-нибудь нужное.

— Лен, у нас ещё люди. Завтра договорим, хорошо?

— Ты к Даше заходил?

— Она закрылась. Сказала, уроки делает. Не волнуйся.

Связь обрывается.

Я продолжаю держать телефон у уха, пока в комнату не входит мама с пододеяльником и наволочкой.

— Ну что, поговорили?

Кладу телефон на диван.

— Он таблетки искал.

— Значит, всё равно ты ему нужна. Дай ему время.

Я встаю так быстро, что мама отступает с бельём к двери.

— Леночка?

В ванной поворачиваю щеколду и сажусь на закрытую крышку унитаза. Зажимаю рот ладонью. Плакать тихо не получается: из груди вырывается такой звук, что я сама пугаюсь.

Мама стучит.

— Лена, открой.

— Сейчас.

В щели под дверью видна её тень. Жду, когда она исчезнет, но мама не уходит.

Умываюсь холодной водой, промакиваю лицо полотенцем и открываю дверь.

Мама смотрит на меня и молча отходит в сторону.

На диване уже лежат подушка и сложенное одеяло. Я достаю из сумки брюки и футболку, переодеваюсь. Платье вешаю на спинку стула. На рукаве ещё виден след крема, который Даша пыталась стереть перед фотографией.

Подключаю телефон к зарядке у дивана. От дочери пока ничего.

Открываю заметки. Пишу: *«Завтра».*

Дашу увидеть до школы. Забрать документы из нижнего ящика. Диплом. Свидетельство о браке. Блокнот с рецептами.

Синий блокнот стоит на кухонной полке, между книгой о заготовках и инструкцией к духовке. Там всё, что я собирала годами: пропорции, замены, мои пометки на полях.

Ставлю возле этого пункта восклицательный знак.

Наверху экрана появляется Дашино сообщение.

«Бабушка складывает твои вещи в пакеты. Говорит, шкаф надо освободить для Киры».

Открываю переписку и набираю: *«Даш, я завтра…»*

Приходят ещё два сообщения.

«Она говорит, ты сама ушла и тебе теперь никто не нужен».

«Мам, ты правда нас бросила?»

Глава 4. То, что ещё моё

Стираю недописанное сообщение.

«Дашенька, я тебя не бросила. Сейчас позвоню».

Отправляю сообщение и нажимаю на значок вызова. Дочь отвечает почти сразу, но молчит.

— Даш, я здесь.

— Ты вещи все заберёшь?

— Завтра возьму, что нужно на ближайшие дни.

— А потом будешь к нам в гости приезжать?

Я закрываю глаза. На том конце тихо скрипит кровать.

— Я буду приезжать к тебе. Мы с папой пока поживём отдельно. Но ты мне нужна, Даша. Каждый день.

— Бабушка говорит…

— Я знаю, что она говорит. Но спроси у меня. Ты можешь спросить меня обо всём.

— Почему ты меня оставила?

В груди больно сжимается. Хочется напомнить, что я предлагала ехать вместе. Но Даша и так это помнит.

— Мне было очень плохо. Я думала, тебе спокойнее переночевать в своей комнате. А теперь ты одна всё это слушаешь. Прости меня. Хочешь, я сейчас за тобой приеду?

Она шмыгает носом.

— Не надо. Уже поздно.

— Утром я буду до твоего выхода в школу. Как обещала.

— Ты только не задержись.

— Не задержусь.

Слышу, как она двигает телефон, устраиваясь на подушке.

— Мам, не отключайся пока.

Я ложусь на диван прямо поверх одеяла.

— Я с тобой.

Мы ещё долго говорим о завтрашних уроках. Даша вспоминает, что не распечатала текст по английскому. Я прошу переслать его Соне: у неё дома есть принтер. Дочь отправляет файл, не завершая звонка, и наконец перестаёт всхлипывать.

Когда она сама говорит *«спокойной ночи»*, я ставлю будильник на шесть.

Сплю урывками. Несколько раз за ночь просыпаюсь и проверяю телефон. Новых сообщений нет.

В семь пятнадцать открываю своим ключом дверь дома Раисы Павловны.

В прихожей пахнет вчерашними цветами. У лестницы стоят два чёрных пакета. Из одного торчит рукав моего кардигана. Другой завязан так туго, что пластик побелел вокруг узла.

Я останавливаюсь, не снимая обуви.

Наверху открывается дверь.

— Мам?

Даша спускается с рюкзаком на одном плече. Волосы собраны кое-как, под глазами припухлости. Я шагаю ей на-

встречу, и она утыкается мне в шею.

Держу её крепко. Так крепко, что она чуть отстраняется.

— Мам, больно.

— Прости.

Ослабляю руки, глажу её по спине. Даша замечает пакеты и опускает голову.

— Я просила её не трогать. Она сказала, сама знает.

— Я разберусь. Ты завтракала?

— Не хочу.

Мы идём на кухню. На столе стоит коробка хлопьев, рядом пустая чашка. Наливаю дочери воды, кладу на маленькую тарелку банан. Она пьёт, но к еде не прикасается.

— После школы созвонимся, — говорю я. — А на выходных можем куда-нибудь сходить. Только вдвоём.

— Ты теперь всё время у бабушки Люды будешь?

— Пока у неё. Потом найду жильё, где и для тебя будет место.

Даша проводит пальцем по краю чашки.

— Я не хочу сейчас переезжать.

— Сейчас и не надо. Давай сначала переживём сегодняшний день.

Она кивает. Телефон в кармане коротко звенит.

— Соня пишет, они выезжают. Её папа меня заберёт.

— Хорошо. Возьми хоть банан с собой.

Дочь кладёт его в боковой карман рюкзака. Уже в прихожей вдруг спрашивает:

— А ты папу ещё любишь?

Я поправляю лямку у неё на плече. Нужно сказать что-нибудь такое, чтобы ей стало легче. Но я не знаю, что это за слова.

— Дашенька, я сегодня сама себя плохо понимаю.

Она смотрит на меня и опускает глаза.

С улицы коротко сигналят. Целую дочь в висок. Она выходит, я провожаю её до калитки, машу Сониному отцу за рулём. Возвращаюсь, только когда машина скрывается за поворотом.

Раиса Павловна стоит у пакетов в прихожей.

— Можно было и попозже приехать. Денис ещё дома.

— Я к Даше приезжала.

Сажусь на скамью у вешалки, подтягиваю ближайший пакет и развязываю. Моя белая блузка смята вместе с домашними тапочками. Из-под неё торчит чашечка бюстгальтера. Пытаюсь спрятать её поглубже, хотя свекровь уже всё это трогала.

— Вы зачем?

— Тебе же нужно во что-то переодеваться. Я помогла собрать.

Достаю блузку. По воротнику тянется грязная полоса от подошвы.

— Я уехала на одну ночь.

— Лена, ты взрослая женщина. Не надо теперь туда-сюда ходить. Денису тоже нужно устраивать жизнь.

Я разглаживаю блузку на коленях. Позавчера гладила её для родительского собрания.

— Остальное наверху, — говорит Раиса Павловна. — Я не стала разбирать твой комод.

Кладу блузку обратно и поднимаюсь в спальню. На нашей кровати новое покрывало. Моей подушки нет. В открытом шкафу пустуют полки, зато Денисовы рубашки висят ровным рядом, как вчера.

Я смотрю на свою половину кровати. Вчера утром сидела здесь и застёгивала ему запонки.

Я несколько раз сглатываю. Нужно забрать документы и уйти.

Подхожу к комоду. Выдвигаю нижний ящик, достаю папку. Диплом, свидетельство о браке, документы на квартиру. Всё на месте. Проверяю листы по одному, хотя от недосыпа строчки расплываются.

Свидетельство застревает в прозрачном файле. Тяну слишком резко и чуть не надрываю уголок. На секунду хочется порвать его совсем.

Но я расправляю бумагу и убираю обратно.

Достаю из шкафа дорожную сумку. Складываю оставшееся бельё, джинсы, тёплую кофту. У зеркала забираю расчёску. Спускаюсь, ставлю сумку рядом с пакетами и иду за блокнотом.

Блокнот стоит на прежнем месте. Прижимаю синюю обложку к папке с документами.

— Это оставь, — говорит Раиса Павловна от двери.

Я поворачиваюсь.

— Что?

— Рецепты. Там и мои записаны. Не всё же вывозить.

— Это мой блокнот.

— Ты в этом доме готовила. Для семьи. Кира, может быть, захочет что-то сделать, а где ей искать?

Свекровь протягивает руку. Я сильнее прижимаю папку к груди.

Мне представляется Кира на нашей кухне. Открывает страницу с медовиком. Читает мою приписку: *«Маме поменьше крема сверху»*. Достаёт форму, которую я вчера замочила в раковине.

— Пусть спросит у вас.

Раиса Павловна прищуривается.

— Даже такую мелочь пожалела.

Я молча прохожу мимо неё. В прихожей расстёгиваю сумку и убираю блокнот внутрь. Пальцы дрожат, молния заедает на подкладке. Высвобождаю ткань и застёгиваю ещё раз.

— Лена, зайди на минуту.

Денис стоит в дверях столовой, уже одетый на работу. Смотрит на папку у меня в руках.

— Документы забираешь?

— Да.

— Я как раз хотел поговорить.

На столе перед ним лежат два листа и ручка. Он отодви-

гает стул. Я остаюсь стоять.

— Вчера всё вышло скомканно, — начинает он. — Давай спокойно решим. Я переведу тебе четыреста тысяч. Снимешь квартиру, первое время хватит.

Он подвигает бумагу ко мне.

— Это с учётом того, что Дашу я полностью обеспечиваю. Школа, одежда, всё необходимое.

Сверху напечатано: *«Предлагаемые условия раздела имущества»*. Вижу сумму. Ниже — квартиру, машину, накопления. Всё это остаётся Денису. Затем строчка: *«Иных имущественных требований не имею»*.

Читаю ещё раз. Может быть, пропустила что-то между строками.

— А квартира?

— Лена, я же говорю: четыреста тысяч сразу. Без ожидания, без нервов.

Мы купили ту квартиру пять лет назад. Сначала думали переехать, потом решили сдавать, а жить пока у Раисы. Денис сказал, что так выгоднее. Я выбирала плитку, ездила принимать кухню, отмывала после ремонта окна. Он всё повторял: *«Потом Даше останется»*.

Кладу лист на стол, прижимаю ладонью загнувшийся угол.

— Мне нужно это прочитать.

— Читай. Тут две страницы.

Он придвигает ручку ближе.

— Подтверди, что согласна с условиями, потом оформим

всё как положено.

Я смотрю на ручку. Знакомая, тяжёлая, с его инициалами на колпачке. Я дарила её на годовщину свадьбы. Сказала тогда: *«Чтобы подписывал только хорошие договоры».*

Денис постукивает пальцем по столу.

— Лена?

— Я возьму с собой. Сейчас не могу.

Он перестаёт постукивать.

— А чего ты ждёшь? Что я оставлю тебя без помощи? Я не собираюсь.

— Тогда дай мне время.

Беру оба листа. Денис не удерживает, только откидывается на спинку стула.

— Глеб тебе вчера то же самое говорил. Ты всех нас теперь во враги записала?

Я убираю предложение в папку. Ручка остаётся на столе.

В прихожей снова расстёгиваю дорожную сумку. Раиса Павловна заглядывает внутрь.

— Всё забрала?

— Не всё. За остальным приеду отдельно.

Опускаюсь перед пакетами, перекладываю вещи в сумку. Блузку с грязным воротником сворачиваю последней. Обувь оставляю в одном из пакетов. Свекровь стоит рядом, пока я вызываю такси.

— Ключ положи на тумбочку.

Поднимаю на неё глаза.

— Здесь моя дочь.

— К дочери приходи. Предупреди только. У меня дом, а не проходной двор.

Я достаю связку. Ногтем никак не получается раздвинуть тугое кольцо. Поддеваю его краем другого ключа, начинаю поворачивать. Тот самый ключ, которым утром открыла дверь, наконец соскальзывает мне в ладонь.

Кладу его на тумбочку.

Раиса Павловна сразу убирает ключ в карман халата.

Когда приезжает машина, Денис выносит дорожную сумку к калитке. Я несу пакет с обувью, повседневную сумку и папку. Он ставит свою ношу у открытого багажника. Я благодарю по привычке и тут же прикусываю язык.

Денис уже идёт обратно.

Я сажусь на заднее сиденье. Папку держу на коленях. Открываю её, достаю договор покупки квартиры. Нашей квартиры. Пять лет я ни разу не подумала, что придётся это кому-то доказывать.

Там с весны живут жильцы, молодая пара. Договор с ними заключали на год. Помню, как согласовывала день передачи ключей, но бумажной копии среди документов нет.

Нахожу в телефоне переписку с Натальей, риелтором. Через неё мы сдаём квартиру. В чате фотографии счётчиков, вопросы про кран, квитанции. Обычно всем этим занималась я.

Пишу: *«Наталья, доброе утро. Пришлите, пожалуйста,*

наш договор с жильцами ещё раз. Собираю документы».

Она отвечает, пока мы стоим на светофоре.

«Доброе утро! Сейчас пришлю. Вы завтра сами приедете на просмотр или мне показывать?»

Перечитываю сообщение.

«Какой просмотр? У нас же живут люди».

«По продаже, Елена. Денис попросил найти покупателя. С жильцами время согласовала».

На экране появляется ещё одна строчка.

«Первый просмотр — завтра, 5 сентября, в одиннадцать».

Глава 5. Подпиши — и успокоимся

Звоню Наталье, пока такси стоит на красный.

— Я не знала о продаже.

Она отвечает не сразу.

— Денис сказал, вы решили вложиться в другое жильё.

Смотрю на пакет с обувью у своих ног.

— Он ничего со мной не решал. Мы расстаёмся.

Произнести это постороннему человеку оказалось легче, чем дочери. Только после последнего слова перехватывает дыхание.

— Пожалуйста, не показывайте пока квартиру.

— Я ему позвоню, — говорит Наталья. — Вы разберитесь между собой. Супружеский спор мне на сделке не нужен.

Она обещает прислать договор с жильцами и заканчивает разговор.

Делаю снимки экрана с перепиской. Потом открываю поиск: *«Юрист раздел имущества»*.

По первому номеру запись только на следующую неделю.

Ирина Власова отвечает сама.

— Вы что-нибудь подписали?

— Нет. Муж дал бумагу, я взяла подумать.

— Присылайте её и документы на квартиру. Сегодня смогу принять в двенадцать. Консультация платная.

Уточняю стоимость и записываю адрес.

До приёма успеваю отвезти вещи маме. Дорожная сумка едва помещается между диваном и шкафом. Пакет с обувью мама велит убрать на балкон.

Блокнот прячу под сменную одежду, застёгиваю сумку.

Фотографирую документы при свете окна, отправляю Ирине. Наталья присылает обещанный договор. Пересылаю его следом и проверяю, ничего ли не пропустила.

— Куда опять? — спрашивает мама, когда я надеваю туфли.

— На консультацию. К юристу.

— Уже чужих людей подключила?

— Мне нужно понять, что Денис предлагает подписать.

Мама молча закрывает за мной дверь.

Перед дверью кабинета приглаживаю волосы. В стекле вижу опухшее лицо. Надо было хотя бы умыться перед выходом.

— Елена? Проходите.

Ирина показывает на стул и ставит рядом коробку салфеток. Я сразу чувствую, что сейчас заплачу, хотя до этого держалась.

— Давайте сначала посмотрим документы, — говорит она.

Достаю папку. Два листа Дениса кладу сверху.

Ирина молча читает предложение и обводит сумму.

— Это всё, что он предлагает за отказ от квартиры, автомобиля и накоплений?

— Ещё обещает содержать дочь.

— Содержание ребёнка — отдельный вопрос. Сколько стоит квартира сейчас?

Называю цену, за которую мы её покупали. Ирина смотрит в договор.

— Текущую стоимость ещё уточним. Но даже по старой цене четыреста тысяч вместо вашей доли во всём этом — совсем не равноценный раздел.

Она придвигает к себе остальные бумаги.

— Брачный договор заключали?

— Нет.

— Деньги на покупку откуда?

— Копили с доходов его фирмы. Кредита не было.

— Подаренные или унаследованные деньги вкладывали?

Качаю головой.

— Квартира оформлена на мужа, — говорю я. — И зарабатывал он. Я не работала.

Ирина поднимает глаза.

— Вы вели дом, растили ребёнка?

— Да. Но…

— Тогда отсутствие зарплаты само по себе не лишает вас прав на общее имущество. И запись на имя мужа тоже. По тому, что вы рассказали и показали, квартира приобретена на общие средства в браке.

Я смотрю на обведённую цифру.

— Мне сказали, что меня семнадцать лет обеспечивали.

— Это не расчёт вашей доли.

Я тянусь за салфеткой, цепляю сразу несколько и сминаю их в кулаке.

Ирина ждёт.

— Я ведь всё делала, — говорю я. — Он приходил, ужин уже стоял. Даша болела — я с ней. Его мама…

Голос пропадает. Прижимаю салфетку к глазам. Мне стыдно говорить об этих вещах, будто я проявляла заботу к семье с умыслом. И всё же забота мне не просто так далась, многое пришлось в себе перекроить. Хотелось, чтобы человек напротив понимал: со своей стороны я сделала всё, чтобы сохранить этот брак.

— Елена, вам не нужно доказывать право на общее имущество количеством приготовленных ужинов.

Киваю, комкая мокрую салфетку.

— А дом? — спрашиваю наконец.

— Принадлежит свекрови, как вы написали?

— Да. Ещё до нашей свадьбы был её. Я там семнадцать лет жила. Дочь там.

— Этот дом в имущество супругов не включаем. Но квартира, машина, накопления — другой разговор. По фирме тоже надо выяснить, когда и как она появилась. Давайте составим список, что ещё нужно проверить.

Я достаю телефон, открываю заметки. Перед глазами вчерашнее: *«Дашу увидеть до школы»*.

Напротив ставлю галочку.

Ирина объясняет, какие документы понадобятся по машине и счетам. Спрашивает, давала ли я нотариальное согласие на продажу квартиры. Я отвечаю, что нет.

— Завтрашний просмотр ещё не сделка, но ждать продажи мы не будем. Готовим иск о разделе и ходатайство, чтобы суд запретил регистрационные действия с квартирой на время спора.

— И он уже не сможет её продать?

— Если суд примет такие меры. Сейчас запрета нет. И сообщение риелтору его не заменяет.

Я снова смотрю на два листа перед ней.

— А если бы я это подписала?

— Эти бумаги не заменяют нотариальное соглашение о разделе. Но подтверждать, что вы согласны от всего отказаться, не нужно. Ничего не подписывайте, пока не разберём содержание и последствия.

Мы согласовываем работу. Договор с Ириной я читаю от начала до конца. Она отвечает на вопросы и не торопит. Оригиналы документов возвращает мне, у неё остаются копии.

Плачу за консультацию и вношу аванс за подготовку иска. На этой карте я несколько лет собирала остатки денег, которые Денис переводил на хозяйство. Теперь запас быстро тает.

Ирина напоминает: ещё нужно оставить на госпошлины — за иск и заявление об обеспечении. Записываю это отдельно. На сколько недель мне хватит денег, если поступлений больше не будет?

У выхода телефон коротко вибрирует.

Наталья: *«Завтрашний показ отложила. Покупателей предупредила. Дальше без ясности между вами не работаю».*

Пересылаю сообщение Ирине. Денис может обратиться к другому риелтору. Но хотя бы этот показ отложен.

На улице звоню Денису.

— Ты с Натальей говорила? — спрашивает он вместо приветствия.

— Да. И была у юриста. Твоё предложение я пока не подпишу.

Он молчит. Я слышу щелчок, потом становится тихо, будто он закрыл дверь.

— Кто тебе посоветовал?

— Я сама нашла.

— Тебе объяснили, сколько ты на них потратишь?

— Мне объяснили, что я не обязана соглашаться на четыреста тысяч.

— Понятно.

Я жду продолжения. Денис говорит совсем другим голосом:

— Тогда запоминай. Это предложение действует до вечера. Потом этой суммы не будет.

У меня холодеют пальцы.

— Ты же дал мне время подумать.

— Утром я думал, мы можем договориться сами. А ты

решила иначе.

— Я хотела прочитать…

— Ты прочитала. Теперь выбирай.

Он отключается.

Хочется перезвонить: я не собираюсь воевать, пусть только снова разговаривает со мной нормально.

Вместо этого пишу Ирине, что Денис установил срок до вечера. Она отвечает: *«Не принимайте решение под этим давлением. Готовлю документы, свяжусь с вами».*

По дороге к остановке покупаю воду. Сажусь на скамью, открываю бутылку и замечаю сообщение Даши: *«Мы закончили».*

Сразу набираю её.

— Как английский?

— Нормально. Соня всё распечатала. Нас даже не спрашивали.

— Ты поела?

— Мам, я не маленькая.

— Знаю.

Я улыбаюсь. Дочь сопит в трубку.

— Мы к Соне пойдём проект делать. Её мама дома. Папе я написала.

— Хорошо. Потом сообщи, когда вернёшься к себе.

— А в воскресенье мы пойдём куда-нибудь? Ты говорила.

— Пойдём.

— Только без бабушек, ладно?

Сжимаю бутылку так, что она хрустит.

— Только вдвоём.

Машина осталась у Раисы. Возвращаться за ней и снова встречаться с ними сейчас не могу. Иду к остановке.

В автобусе повторяю про себя: разобрать вещи, постирать блузку, найти документы по машине. Не думать о Денисовом *«до вечера»*.

Мама открывает дверь до того, как я успеваю позвонить второй раз.

— Ну наконец. Проходи, тебя ждут.

В прихожей стоят мужские ботинки. Я узнаю их раньше, чем вижу Дениса.

Он сидит за кухонным столом. Пиджак висит на спинке соседнего стула. Перед ним чашка, тарелка с нарезанным рулетом. Мама купила тот самый, с орехами, который он любит.

— Здравствуй, Лен.

Я не могу переступить кухонный порог.

— Мам, зачем?

Она снимает с меня сумку. Я выпускаю ремешок, прежде чем успеваю решить, хочу ли отдавать.

— Я позвонила Денису. Нельзя же так. Вы оба на нервах.

— Я не просила его звать.

— А я не могу смотреть, как вы всё рушите. Сядь, поговорите. Здесь вам никто не мешает.

Она ставит мою сумку на подоконник и отодвигает стул.

Денис встаёт.

— Давай без ссоры. Я понимаю, тебе тяжело.

Он касается моего плеча. От ладони идёт знакомое тепло, и я на секунду перестаю дышать. Так мало нужно, чтобы захотелось поверить ему опять.

Потом вижу бумаги возле его чашки.

Отхожу, и его рука соскальзывает.

— Ты сказал, до вечера.

— Я не хочу, чтобы мы встречались только в суде. Поэтому и приехал.

Мама ставит передо мной чашку.

— Видишь? Человек сам пришёл.

Я сажусь. В ногах такая слабость, что оставаться стоя не могу.

Денис раскладывает два листа. Те же условия, только без пометок Ирины. Мой экземпляр лежит в папке, в сумке на подоконнике.

— Я тебя не брошу, — говорит он. — Переведу деньги сразу, как договоримся. Хватит тебе себя мучить.

— Я не согласна на эти условия.

— Лена, у него тоже обязательства, — вмешивается мама. — Даша, ещё один ребёнок будет. Нельзя только о себе думать.

Смотрю на неё.

— А обо мне кто думает?

— Я. Поэтому он здесь.

Мама пододвигает чашку ближе.

— Юрист сказала не подписывать, — говорю я.

— Юрист на тебе зарабатывает. Ей выгодно, чтобы вы годами судились. А мы тебе родные.

Я перевожу взгляд на Дениса. Он не спорит. Поправляет край листа, чтобы тот лежал ровно.

— Я могу пожить у тебя, пока найду работу? — спрашиваю маму.

Она смотрит на Дениса, потом на меня.

— А искать сколько будешь? Месяц? Полгода? Ты же столько лет дома сидела.

— Я буду искать.

— На мою пенсию две взрослые женщины не проживут. Ты это понимаешь?

Денис достаёт ручку и кладёт поперёк бумаги.

— Зачем доводить до такого, Лен? Мы же всё решили.

Я сжимаю кулаки под столом. Мне хочется встать, забрать сумку и выйти. Но одежда у мамы возле дивана. Обувь на балконе. Дочь в доме, от которого у меня больше нет ключа.

Мама садится рядом. Тянет мою руку из-под стола, разжимает пальцы. Вкладывает в них ручку и придвигает лист.

— Подпиши. Тебе же лучше будет.

Глава 6. До рассвета

На листе передо мной короткая линия для подписи.

Мама всё ещё держит моё запястье. Я чувствую, как бьётся пульс под её пальцами.

— Мам, отпусти.

— Лена…

— Пожалуйста.

Она убирает руку. Я кладу ручку поперёк бумаги и отодвигаю листы к Денису.

— Я не подпишу.

Он смотрит на ручку, потом на меня.

— Последний раз спрашиваю. Ты уверена?

Я не уверена ни в чём. Не знаю, где буду жить через месяц, возьмут ли меня на работу, перестанет ли Даша бояться, что я исчезну. Но эти два листа уже читала.

— В этом — да.

Денис медленно встаёт. Надевает пиджак, собирает бумаги. Ручку убирает во внутренний карман.

— Людмила Андреевна, вы слышали. Я предлагал помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.